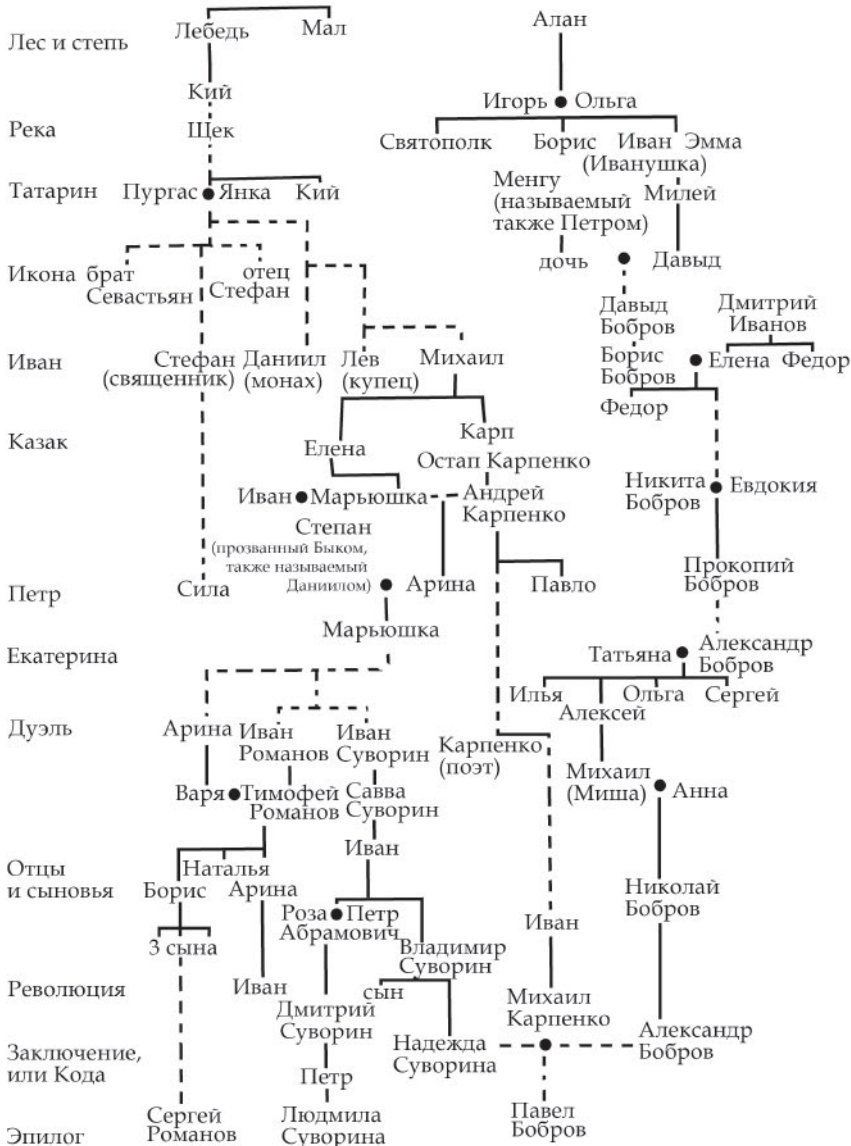

Содержание

Предисловие	13
Благодарности	15
Глава первая. ЛЕС И СТЕПЬ	17
Глава вторая. РЕКА	63
Глава третья. ТАТАРИН	171
Глава четвертая. ИКОНА	266
Глава пятая. ИВАН	271
Глава шестая. КАЗАК	398
Глава седьмая. ПЕТР	471
Глава восьмая. ЕКАТЕРИНА	567
Глава девятая. ДУЭЛЬ	650
Глава десятая. ОТЦЫ И СЫНОВЬЯ	779
Глава одиннадцатая. РЕВОЛЮЦИЯ	858
Заключение, или Кода	1033
Эпилог	1039

Генеалогическое древо

ГЛАВЫ

Предисловие

СЕЛО, ЗАТЕМ ГОРОД РУССКОЕ

Два поселения, носящие в этом повествовании название Русское (первое на юге, а второе, основанное позже, — на севере), — целиком вымышлены, впрочем, само это название действительно можно найти на карте. Каждое из этих вымышленных местечек представляет собой сплав черт, присущих, соответственно, русскому Югу и русскому Северу. В северном Русском, где происходят основные события романа, старый город и монастырь отчасти отдаленно напоминают древний город Суздаль, в котором и были написаны несколько глав этой книги. Чудотворные ключи я увидел под стенами древней Изборской крепости, на северо-западе России. Усадьба Бобровых весьма походит на имение, принадлежавшее семье Пушкина.

РОМАН «РУССКОЕ»

«Русское» — исторический роман. Семейства Бобровых, Сувориных, Романовых, Ивановых, Карпенко, Поповых и персонаж по фамилии Пинегин вымышлены. Однако, прослеживая их судьбы на протяжении столетий, я помещал их в историческое окружение, среди лиц, которые существовали или, по крайней мере, могли существовать, и событий, которые происходили или, по крайней мере, могли происходить на самом деле.

Я, насколько возможно, старался показать читателю исторический фон тех или иных событий; сведения, которые я привожу для его удобства в романе, надеюсь, окажутся достаточно информативными, но в то же время не будут раздражать его излишними подробностями. Время от времени я позволял себе чуть-чуть «сжать», сократить изображаемые события, чтобы упростить ход повествования, но, полагаю, нигде не исказил исторической правды.

Пытаясь хоть сколько-то передать ощущение удивительного богатства и своеобразия русской культуры, я счел себя вправе обиль-

но заимствовать из неисчерпаемых источников — русского фольклора и литературы. За результат, каким бы он ни вышел, разумеется, всецело несу ответственность я один; впрочем, надеюсь, что у читателей, знакомых с предметом, возможно, возникнет чувство, что они встретили на этих страницах своих старых друзей.

В тех случаях, когда топонимы менялись, я опять-таки опирался на собственное суждение, иногда используя исторические формы, иногда, для ясности, современные.

КРАТКИЕ ИТОГИ

Изначально эта книга писалась в 1987–1991 годах: за это время я несколько раз ездил в Россию и в общей сложности провел там много месяцев. Путешествуя как частное лицо, я смог не только побывать в Москве и в Ленинграде, но и увидеть северо-западные области страны, вплоть до Кижей и Балтийского моря, средневековые города Золотого кольца вокруг Москвы, Киев, Чернигов и Украину. Мои странствия по югу России привели меня в Одессу, в Крым, на берега Дона, где традиционно селились казаки, на Кавказ и в среднеазиатские города Хиву и Самарканд, расположенные в пустыне. Благодаря друзьям мне удалось посетить город Гусь-Хрустальный, находящийся примерно рядом с вымышленным северным Русским. Союз писателей также любезно свозил меня в старинную Рязань и показал место, где располагалась первая, еще более древняя Рязань, сожженная татарами-монголами, — оно произвело на меня пронзительное и скорбное впечатление.

Однако наиболее важным показался мне тот проведенный в России день, когда, опять-таки благодаря Союзу писателей, я смог побывать в только что возрожденной монашеской обители — Оптиной пустыни. Мы прибыли туда тотчас же после знаменательного события: накануне монахи обрели мощи знаменитого старца Амвросия Оптинского, жившего в XIX веке, и в то самое утро, когда мы приехали в монастырь, служили по сему случаю торжественный благодарственный молебен. Мне, иностранцу, ставшему свидетелем этой трогательной в самой своей простоте сцены, было дано на мгновение узреть истинную Россию, и я раз и навсегда уверился в том, что, если мы хотим понять хоть что-то в настоящем и вероятном будущем этой удивительной страны, необычайно важно как можно глубже погрузиться в ее прошлое.

Благодарности

Я хотел бы выразить глубокую признательность профессору Института славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета доктору Линдси Хьюз и аспирантке Йельского и Висконсинского университетов мисс Кэти Поттер, которые, разделив, прочитали всю рукопись этой книги и исправили ошибки. Если в романе остались какие-то неточности, погрешности и несообразности, то все они — исключительно на моей совести.

Мне хотелось бы также поблагодарить профессора Йельского университета Пола Башковича, предложившего мне написать роман о России.

Мне хотелось бы также высказать глубокую признательность Эдварду Казинцу и сотрудникам славянского отделения Нью-Йоркской публичной библиотеки, сотрудникам библиотеки Батлера Колумбийского университета и сотрудникам Лондонской библиотеки за их неутомимую помощь, неизменную поддержку и дружеское расположение. Мне хотелось бы особо поблагодарить членов нью-йоркского Синода Русской православной церкви за рубежом и преподавателей Крествудской Свято-Владимирской духовной семинарии, которые помогли мне получить многие книги, необходимые для моей работы.

Я хотел бы также выразить признательность мистеру Джону Робертсу, любезно порекомендовавшему меня многим из тех, кто впоследствии оказал мне помощь и поддержку, а также члену Союза писателей Москвы господину Владимиру Стабникову, которому я в значительной мере обязан тем, что мои путешествия по России состоялись, и который дал мне множество полезных советов и всячески ободрял и поддерживал меня в моем начинании. Я также благодарен сотрудникам Государственного Эрмитажа, любезно организовавшим для меня индивидуальные экскурсии.

Я бы хотел упомянуть также о множестве людей и на Западе, и в СССР, которых не могу перечислить здесь поименно и кото-

рые частным образом оказали мне большую помощь и гостеприимство; я никогда не устану благодарить их.

Мне бесконечно посчастливилось иметь такого литературного агента, как Джилл Колридж, и двух редакторов — Бетти А. Прешкер, сотрудницу издательства «Краун Паблишерс», и Розы Чизем, сотрудницу издательства «Сенчери»: их терпение, поддержка и неизменная, неутомимая помощь сделали возможной появление этой книги.

Я глубоко признателен своей жене Сьюзан за доброту и терпение, проявленные ко мне в то время, пока я вынашивал, обдумывал и лелеял этот творческий замысел.

Пользуясь случаем, еще раз приношу особую благодарность Элисон Борзуик за профессиональное составление карты.

И наконец, я хотел бы высказать признательность архимандриту и монахам Оптиной пустыни, открывшим моему взору незабываемые образы России.

Глава первая ЛЕС И СТЕПЬ

180 год н. э.

В степи этой ночью было тихо. Тихо было и в лесу.

Ветер пролетал над землей, едва касаясь.

В избе, одной из шести сбившихся в стайку в маленькой деревушке у реки, спала, обняв ребенка, мать.

Она не ощущала приближения опасности.

Высоко в озаренном звездами летнем небе время от времени медленной, ленивой чередой проплывали бледные облака, отражающие мягкий свет месяца, виднеющегося на юге.

Пышные, белесоватые, низко нависающие, появлялись они, подобно всадникам с востока, из неизвестно каких бесконечных степей; величественно, неспешно скользили над крохотной деревней на речном берегу и, оставив позади эти избы, продолжали свое странствие над темным лесом, тоже, возможно, тянувшимся бесконечно.

Деревушка располагалась на юго-восточном берегу широкой полноводной реки. Дубовые и липовые, сосновые и березовые леса постепенно сменялись здесь полянами и широко раскинувшимися лугами, окраинами огромной, могучей степи. А за маленькой речкой на северо-западном берегу простирался лес, густой, темный и непроходимый.

Три семьи, обитатели этой деревеньки, пришли сюда пять лет тому назад и, обнаружив здесь древнее, давным-давно заброшенное укрепленное поселение, сплошь заросшее мелким кустарником, расчистили его, установили частокол на защищающем его низком земляном валу, а внутри построили пяток изб. Поблизости распахали два больших поля, неровными полотнищами вторгшихся

в границы леса. За ними вскоре одна за другой запестрели лоскутным одеялом рощисты поменьше.

В нескольких сотнях сажен земля по обоим берегам реки заболачивалась, и болотца эти тянулись на много верст.

Ветер пролетал над землей, едва касаясь. Он словно ласкал верхушки деревьев, и древесные кроны, озаренные снизу, бледно мерцали в звездном свете. В лесах поблескивали воды извилистой реки и болота.

Кроме тихого шелеста листвы, ничто не нарушало безмолвия. Лишь порой заводится небольшой зверек или олень прошествует сквозь густую траву. В какое-то мгновение возле болота за кваканьем лягушек внимательное ухо могло уловить хруст веток: это по лесной опушке пробирался медведь. Однако в деревне слышался лишь шелест деревьев да время от времени шорох колосьев, стоило ветерку провести невидимой рукой поверх длинного полотна ячменного поля, тотчас на миг покрывавшегося рябью, будто все его охватывала дрожь.

Иногда поле замирало, а иногда колосья наклонялись в другую сторону, словно ветер с востока лениво затихал, чтобы спустя мгновение снова заколыхать спелый ячмень.

Это происходило в 180 году — а как будто и не в 180-м, ведь, хотя в будущем тот год пометят именно таким номером, христианский календарь еще не использовался. Далеко на юге, в римской провинции Иудея, где жил Иисус Назаретянин, ученые раввины подсчитали, что сей год — 3940 от Сотворения мира. Кроме того, то был сто десятый год со дня разрушения Иерусалима. В остальной Римской империи шел двадцатый и последний год правления Марка Аврелия и первый год единоличного правления Коммода. В Персии считали 491 год эры Селевкидов.

А какой год протекал у жителей крошечной деревеньки на опушке леса? Насколько известно истории — никакой. О присвоенных годам длинных номеров, как это принято в цивилизованном мире и фиксируется в письменных текстах, здесь и слыхом не слыхивали.

Это была земля, которая однажды станет известна под названием Россия.

Ветер пролетал над землей, едва касаясь.

Она спала, прижав к себе маленького сына. Тревожные мысли, которые беспокоили ее накануне, покинули ее во сне легко и бес-

следно, точно бледные облака, растворяющиеся вдали над лесом, за рекой. Она спала безмятежно.

В избе расположились на ночь двенадцать человек. Пятеро из них, в том числе Лебедь и ее сын, лежали на широких полатах, закрепленных поперек над большой печью. В эту теплую летнюю ночь печь не топили. Воздух был напоен сладковатым, земляным, довольно приятным запахом, исходившим от людей, которые весь день проработали в страду в поле. К нему примешивался свежий аромат трав, приносимый ветром сквозь квадратный открытый оконный проем.

Она лежала на самом краю полатей, в соответствии со своим низким статусом, ведь она была младшей из жен своего мужа. Она была уже немолода, ей исполнилось двадцать семь. Лицо у нее было широкое, в бедрах она уже раздалась, округлилась. Густая светлая коса ее свешивалась с края деревянного настила.

Рядом с ней, положив головенку на материнскую пухлую руку, спал ее пятилетний сын. До него были у нее и другие дети, но все они умерли, он остался у нее один-единственный.

Замуж она вышла пятнадцати лет и всегда знала, что муж взял ее в жены только потому, что она была сильной: ей полагалось работать. Но жаловаться ей было особо не на что. Муж оказался человеком незлым. Высокий, все еще пригожий в свои сорок лет, с обветренным лицом, выражавшим кротость и даже какую-то задумчивость, обычно, едва завидев ее, он оживлялся, в его светло-голубых глазах появлялась веселая, озорная искорка, и он кликал ее: «А вот и моя мордовка!»

У него это словцо было почти ласковым. Но в чужих устах оно звучало совсем по-другому.

Ведь Лебедь не считалась полноправным членом племени. В глазах мужнина клана она была полукровкой из-за происхождения ее матери. Кем была та? Одной из лесного народа? Мордовкой?

С незапамятных времен по лесам и болотам, простиравшимся на сотни верст к северу, были рассеяны финно-угорские народы, к числу которых принадлежало и племя ее матери. Широколицые, со смугловатой кожей представителей монголоидной расы, они охотились и ловили рыбу в этих бескрайних пустынных землях и жили в крохотных хижинах и землянках жизнью почти первобытной. Во дни солнцестояния они водили хороводы и высокими, резкими, несколько гнусавыми голосами монотонно распевали во славу неяркого солнца, которое чем дальше на север, тем реже по-

казывалось зимой, а летом лишало землю ночного покоя, погружая мир в долгие, белые сумерки, и размывало линию горизонта вспышками бледных зарниц.

С недавних пор народ ее мужа — светловолосые люди, говорящие на славянском языке, — стал основывать в этом лесу, к востоку и к северу от своих исконных земель, небольшие колонии. В некоторых из этих поселений возделывали поля и разводили скот, как это делал клан ее мужа. Славяне и первобытные финно-угорские народы, коли случалось им сталкиваться, враждовали редко. Земли и охотничьих угодий здесь хватило бы и народу, числом превосходящему их в десять тысяч раз. Вступали они и в смешанные браки вроде того, что некогда заключила ее мать. Но жители деревушки все равно с презрением смотрели на лесных людей.

Ее муж шутил, величая ее по названию большого мордовского народа, чьи земли располагались далеко на севере, а не того маленького племени, к которому принадлежала ее мать. Но имя это — «мордовка» — обращало ее уж совсем в чужеземку, хоть и была она наполовину славянкой. А еще это слово, печально размышляла она, не давало забыть всему остальному клану, что надобно относиться к ней с пренебрежением.

И особенно ее свекрови. Вот уже почти тринадцать лет, дородная и грозная, была она для Лебеди словно туча, что вот-вот прольется ливнем и градом. Иногда по многу дней ее лицо, с тяжелыми, отвисшими щеками и крупными звериными чертами, сохраняло безмятежное, даже дружелобное, выражение. Но затем лишь малая провинность с ее стороны — уронила веретено, разлила сметану, — и свекровь впадала в безудержный гнев. Остальные женщины в доме в таких случаях смиренно молчали, либо опустив глаза в пол, либо украдкой наблюдая за расправой. Но она знала: втайне те радуются, что сами избежали кары, что ярость свекрови обрушилась на чужеземку. Излив гнев, свекровь обычно без всякого перехода приказывала ей вернуться к работе, а потом, пожав плечами, обращалась к остальным: «Чего и ждатель-то от бедной мордовки?»

Вытерпеть это было не так уж трудно, кабы не ее собственная семья. И отец ее, и мать умерли годом раньше, и у нее оставался теперь только младший брат. Именно из-за него она вчера и плакала.

Он никому не делал зла, но вечно попадал в немилость к деревенскому старейшине. На его широком, глуповатом лице вечно сияла улыбка, даже когда он напивался допьяна: и ничего он не хотел

от жизни, только охотиться да баловать своего маленького племянника.

«Забудь о Кие, — говорила она ему, — да и обо мне тоже, если не будешь слушаться старейшины». Но все было без толку. Он терпеть не мог работу в полях, разрешения отлучиться не спрашивал и пропадал в лесу целыми днями, покуда сельчане раздраженно о нем судачили, а потом она замечала: вот он, пожалуйста, приземистый и сильный, вышагивает как ни в чем не бывало, на поясе висит несколько шкур, на лице сияет обычная его глуповатая улыбка. Старейшина принимался его бранить, а свекровь поглядывала на нее с удвоенным отвращением, словно это ее вина.

А теперь, надо же, накануне он — дурак дураком! — пообещал мальчику: мол, в следующий раз, как пойдет на охоту, добудет Кийчику медвежонка. Станет племянник держать его на привязи возле избы.

— Но, Мал, — напомнила она брату, — старейшина же сказал, что выгонит тебя из деревни, если ты опять ослушаешься.

В наказание за отлучки старейшина и так запретил ему охотиться на весь остаток года.

Но брат только кивнул своей большой, светловолосой головой, по-прежнему глупо улыбаясь, и не сказал ни слова.

— И что бы тебе не жениться и не оставить дурачества? — в отчаянии крикнула она.

— Как прикажешь, сестрица Лебедь.

Он с усмешкой склонил голову.

Нарочно сказал так, чтобы вывести ее из себя, ведь почти никого в деревне не называли полным именем. Малыша Кия все кликали детским, малым именем — звали Кийчиком. И ее редко звали Лебедью, с детства величали ласкательным прозвищем: Лебедушка. Прозвище было и у Мала: сельчане честили его Лентяем, когда на него злились.

— Лентяй! — не осталась она в долгу, охваченная гневом. — Остепенись да возьмись за работу!

Но Мал и не думал остепеняться. Он предпочитал жить в крохотной избе вместе с двумя стариками, сейчас уже ни на что не годными, вот разве охотившимися изредка на мелкую дичь. Втроем они пили мед, били зверя да рыбачили, а женщины посмеивались над ними, но терпели.

Вчера она еще дважды приходила к нему в поле, и во второй раз даже расплакалась, пытаясь уговорить его не ходить за медвежонком. Хотя брат и был для нее сущим наказаньем, она все равно его любила тосковала бы по непутевому, если бы того изгнали.

И каждый раз, хотя и видел слезы на глазах у сестры, Мал только усмехался, и по его крупному, широкому лицу стекали капли пота, когда он стаскивал копны сена в стог.

Вот потому-то на исходе этого долгого дня она не сразу заснула и долго ворочалась; а когда наконец погрузилась в забытие, бессознательно ощущала предвестие беды.

Но сейчас ночь исцелила ее от всех страхов, и она забылась сном без сновидений. Под простой, грубой рубахой грудь ее равномерно вздымалась и опадала. Долетавший из окна ветерок шевелил светлые вихры ее ребенка.

Никто не проснулся, когда пес, который дремал на пороге, привскочил и выжидательно уставился на две тени, проскользнувшие мимо. Никто, кроме маленького мальчика, на миг приоткрывшего глаза. Он сонно улыбнулся, и если бы его мать проснулась, то почувяла бы, как Кийчик весь дрожит от волнения. Он снова закрыл глаза, по-прежнему улыбаясь.

«Скоро!»

Ветер пролетал над землей, едва касаясь.

Но где же находилась эта деревушка, эта река, этот лес?

Здесь надо в нескольких словах пояснить, почему это волшебное место так важно.

По традиции географическая наука издавна делит гигантский материк Евразию на две части: Европу — на западе, и Азию — на востоке. Но традиция эта обманчива. На самом деле существует и более естественное разделение материка на север и юг.

Ибо через весь этот огромный массив суши, от Северной Европы, через всю Россию, через ледяные пустыни Сибири, вплоть до возвышенностей на границе с Китаем, простирающихся на север почти до самой Аляски, протянулась величайшая равнина мира.

Протяженность великой Северо-Евразийской равнины с запада на восток составляет одиннадцати с лишним тысяч километров. Она проходит от Атлантического до Тихого океана, образуя ряд огромных, соединенных между собою тектонических плит, которые покрывают шестую часть всей суши на нашей планете и по размерам могут сравниться с территорией США и Канады вместе взятых. На севере большая часть этой равнины ограничена холодным Северным Ледовитым океаном. От его берегов она, кое-где достигая в ширину более трех тысяч километров, простирается на

юг — через гигантские зоны тундры, леса, степи и пустыни до своей южной границы. Можно считать, что именно эта граница и делит Евразию пополам.

Ведь если Северная Евразия представляет собой огромную равнину, то Южная Евразия, простирающаяся с запада на восток, включает в себя Среднюю Азию, древнюю Персию, Афганистан, Индию, Монголию и Китай. А север словно стеной отделяют от юга протянувшиеся полумесяцем могучие горные гряды, среди которых можно насчитать несколько высочайших вершин мира — от западноевропейских Альп до величественных азиатских Гималаев и прочих восточных горных хребтов.

Поэтому трудно понять, отчего географы когда-то решили поделить Евразию на запад и восток.

Если продвинуться вглубь на треть великой равнины, остановившись примерно к северу от современного Афганистана, то можно оказаться перед простирающейся с севера на юг, от тундры до краев пустыни, длинной чередой низких древних гор. Это Урал. В них принято видеть границу между Европой и Азией.

Однако, по правде говоря, за исключением нескольких весьма скромных вершин, эти пологие горы часто поднимаются в высоту всего на десятки метров. Никакие усилия воображения не помогут воспринимать их как «водораздел» между континентами: они едва ли образуют даже рябь на этой океанской глади суши. Границы между Европой и Азией не существует — равнина представляет собой единое целое.

Там, где она охватывает Северную Европу, равнина очень узка, всего-то каких-нибудь шестьсот пятьдесят километров в ширину. Затем, переходя на территорию Восточной Европы, она начинает расширяться, точно клин. Северную ее границу теперь образует большой холодный Финский залив, часть Балтийского моря, притаившегося под изогнутым выступом Скандинавии. Южную, горную границу ее формируют величественные Балканы и Карпаты, охраняющие Север Греции. А потом она, широко раскинувшись, и вовсе забывает о границах и пределах.

Россия: место, где равнина бесконечна.

Россия: место, где встречаются Восток и Запад.

Россия: пограничная земля.

Здесь, где начинается Россия, северная граница необозримой равнины постепенно вздымается кверху, по направлению к Северному Ледовитому океану. В этих северных краях берет начало величайший лес всего мира — холодное, темное царство хвойных

деревьев, именуемое тайгой, которое простирается на тысячи километров до берегов Тихого океана. Середину равнины занимает гигантский смешанный лес. А на юге начинается бесконечная, поросшая травой степь, и в этом месте она не обрывается на юге пустыней или горным кряжем, а выходит на приветное, солнечное побережье, подобное средиземноморскому.

Ибо южную границу центральной части России образует теплое Черное море.

Черное море, расположенное, так сказать, над восточной оконечностью Средиземного, напоминает закрытый сосуд. Мощная гряда южных гор охватывает его, подобно огромной плотине: на юго-западе его обнимают Балканы, на юге — горы современной Турции, на юго-востоке — устремляющийся ввышину Кавказ. Между Балканами и турецкими горами пролегает узкий пролив, соединяющий Черное море с его более могучим и полноводным соседом. В своей черноморской части этот пролив называется Босфором, а в южной — Дарданеллами.

Море это имеет внушительные размеры и простирается примерно на девятьсот семьдесят километров с запада на восток и шестьсот пятьдесят километров — с севера на юг. В него впадают бесчисленные реки, среди них, на западе, к северу от Греции, — величественный Дунай. В водах этого моря содержатся следы серы, и потому, быть может, оно когда-то и было наречено Черным.

Посреди северного, русского берега далеко в теплые воды моря вдается напоминающий своими очертаниями плоского ската или камбалу широкий полуостров. Это Крым. По обеим его сторонам, разделенные почти шестьюстами пятьюдесятью километрами, из далеких лесов по степи вливаются в Черное море две гигантские реки. На западном берегу — это широкая река Днепр, на восточном — могучий Дон.

Таким образом, между двумя этими речными системами, Днепром и Доном, начиная от Причерноморской степи и до северных лесов, раскинулась гигантская, древняя, исконная Русь.

Россия: пограничная земля.

Ибо великая равнина не кончается, а простирается и простирается все дальше и дальше, уходя даже на восток. На ее южной границе, к востоку от Черного моря, гигантская гряда Кавказских гор протянулась еще на девятьсот семьдесят километров. Знаменитый своими винами и своими воинами — грузинами, армянами и многими другими — Кавказ с его сияющими пиками на сотни метров возвышается над любыми вершинами Альп и Скалистых гор.

Естественной границей Кавказа служит любопытный природный феномен: второе из двух морей, окруженных полумесяцем горной гряды с юга. Оно имеет гигантские размеры, простирается с севера на юг, своей формой примерно напоминает полуостров Флорида, но по длине превосходит его в два раза — и горный кряж огромным полумесяцем отвесно спускается книзу, охватывая его своими уступами, точно петлей. Это Каспийское море.

С научной точки зрения — это самое большое в мире озеро, ведь стока из него нет. Его окружают степь, горы и пустыня, его вода убывает, испаряясь в воздухе пустыни. А на северном берегу его питает самая известная река России.

Волга-матушка.

Свое великое странствие начинает она далеко-далеко, в заповедных лесах, в самом сердце России. Там русло ее описывает гигантский изгиб, прорезая уединенные северные леса, а потом поворачивает к югу; так, объев и напивав собой исконные русские северные земли, река делает поворот и несет свои воды по Евразийской равнине на восток, а потом и на юг, и наконец медленно течет дальше, из леса, по волнуемой ветром степи к далеким пустынным берегам Каспийского моря.

Но и за пределами волжской дельты великая равнина все тянется и тянется, постепенно делаясь все более и более негостеприимной. На юге простерлись ужасные пустыни. На севере властвуют темная тайга и вечная мерзлота, в конце концов подчиняя себе всю равнину. До сего дня эти огромные земли остаются почти необитаемыми. За Волгу, через Урал, по ледяным пустыням Сибири, к далекому Тихому океану — равнина тянется более чем на четыре с половиной тысячи километров.

А где же находилась деревня с ее речкой и лесом?

Нетрудно сказать. Она располагалась на окраине южнорусской степи, в нескольких десятках верст к востоку от великой реки Днепр и примерно в пятистах верстах от устья этого великого потока в северо-западной части теплого Черного моря.

Однако, сколь ни странным это может показаться, если бы какой-нибудь чужеземец в то время спросил, как добраться до данного места, едва ли нашелся бы хоть кто-нибудь, кто сумел бы ему это объяснить.

Ибо Государство Российское в ту пору еще не существовало. Древние цивилизации Востока: Китай, Индия, Персия, — находились далеко-далеко, к югу от мощной горной гряды, образующей

южную границу равнины. В глазах китайцев, индийцев и персиян пустынная равнина была бесплодной землей.

На западе могущественная Римская империя распространила свое влияние на средиземноморское побережье и даже далеко на север, вплоть до Британии. Однако римляне остановились на опушке тех лесов на востоке, что росли на великой Евразийской равнине.

Ибо что знали римляне о лесе? Лишь то, что к востоку от Рейна обитают воинственные германские племена, а к северу от Балтийского моря — балты, летты, эсты, литва, о которых доходили до римлян только смутные слухи. Этим все и исчерпывалось. О славянских землях, раскинувшихся за владениями германцев, они знали мало, а о финно-угорских народах, обитавших в обширных лесах за Волгой, — совсем ничего. О тюркских и монгольских племенах, которые жили в сердце неизмеримой, необъятной Сибири, за лесом, и слухом не слыхивали, ни одна весть о них, даже переданная едва слышным шепотом, не проникала из бесконечной степи.

А что знал о степи Рим? Нельзя отрицать, что в Восточном Средиземноморье Рим вторгся даже в пределы Армении, в отроги Кавказских гор; много лет были знакомы Риму маленькие порты на северном побережье Черного моря, куда его корабли приходили за мехами или рабами из внутренних районов этих земель или затем, чтобы встретить караваны, побывавшие на таинственном Востоке и пересекшие ради того пустыню. Но гигантская равнина, лежавшая позади этих небольших гаваней или армянских земель, оставалась для римлян *terra incognita* — неизвестными краями, населенными варварами, полной опасностей степью, непроходимыми реками. Составленные Геродотом, Птолемеем, Плинием карты классической древности с их детально показанными городами, дорогами и границами начинали полагаться на слухи или обрывались, не успев даже приблизиться к маленькой деревушке.

Да и сами ее жители не могли бы объяснить, где их дом.

Даже сегодня, повергая в замешательство иностранцев, россияне с трудом могут указать нужное направление. Спросите, проходит ли дорога на восток или на запад, на север или на юг и на сколько километров — и русский не сумеет дать ответ. Да и зачем ему это на бескрайней равнине, где один бесконечный горизонт сменяет другой, столь же бесконечный?

Однако он может сказать вам, как текут реки.

Потому-то и жители крохотной деревушки знали, что их маленькая речка впадает в другую маленькую речку, а та спустя непро-

должительное время впадает в могучий Днепр. Они знали, что где-то далеко, за южной степью, Днепр впадает в море.

Но только это они и знали. Лишь пятеро из них видели Днепр.

Не желая погрешить против истины и стремясь верно передать тогдашнее положение вещей, мы не можем говорить о России, еще не существовавшей в ту пору; не в силах мы и указать ориентиры, по которым можно было бы определить таковое положение. Мы можем сказать лишь, что деревушка эта находилась на землях к северу от Черного моря, где-то к востоку от реки Днепр и к западу от реки Дон; немного восточнее леса и немного западнее степи; на одной из тысяч рек, не нанесенных ни на какую карту. Едва ли кто-то смог бы сообщить более точные сведения, да и кому было здесь до них дело?

Ветер пролетал над землей, едва касаясь, и летняя ночь опустилась над бескрайним пространством. На западной окраине великой равнины сгущались сумерки. Здесь, в южной деревушке, сияла звездами полночь, хотя дальше, к северу, ближе к полярным широтам, все еще не рассеялся бледный сумрак. На востоке, возле Уральских гор, час был самый ранний, стояла глубокая ночь. В Центральной Сибири занимался рассвет; на берегах Тихого океана утро вступило в свои права, а еще дальше, на северо-восточной оконечности огромного массива суши напротив Аляски, уже настал полдень. Ночью над бескрайней равниной могли бушевать грозы, проливаясь дожди, неистовствовать ураганы, и никто их не замечал. В паре тысяч верст к северу от деревушки над лесом разразилась гроза с громом и молнией, но здесь царила тишина. И неужели хоть кто-то знал, какие грозовые облака проносились над лесными чащобами, какие шатры разбивали в степи, какие огни горели на бескрайней равнине в бесчисленных чертогах ночи?

Маленький мальчик проснулся с улыбкой.

Ветер задувал в избу, солнечный свет, проникнув сквозь квадратный оконный проем, большим бледным четырехугольником лежал на земляном полу.

— Уже проснулся, ягодка моя?

Она подошла к полатам, где спал ребенок, приблизив к нему широкое лицо. Позади нее в горнице суетились люди. В одном углу висела на длинном деревянном крюке, прикрепленном к стропилам, колыбель с младенцем.

Горница была просторная. Стены ее, глиняные, на деревянном каркасе, были грязно-серого цвета. Такой оттенок они, как и во

всех остальных избah этой деревушки, приобрели из-за того, что в домике с длинной дерновой крышей не было дымохода: дым из большой печи невозбранно заполнял горницу, и только потом его выпускали, подняв ставень над маленьким отверстием в потолке. Таким образом, помещение быстро нагревалось, а его обитателям закопченные стены представлялись чем-то давно знакомым и желанным. Однако сегодня огонь в печи не разожгли. Воздух в горнице был чист и прозрачен, царила приятная прохлада.

В избе были еще два помещения: за печью — сени, через которые попадали в горницу, а с противоположной от сеней стороны — еще одна каморка, служившая одновременно мастерской и клетью. Здесь стоял ткацкий станок, всевозможные бочонки, лежали мотыги, серпы, а на стене, на почетном месте, висел топор, принадлежащий хозяину дома. Вся изба, выстроенная на дубовых сваях, вершков на десять была вкопана в землю, и потому, чтобы выйти наружу, приходилось выбираться, как из неглубокой ямы.

Мать умыла мальчика водой из бурого глиняного кувшина. Он не отрываясь смотрел мимо нее на полосу сияющего солнечного света, простершуюся на полу.

Но думал он при этом о чем-то другом.

Она улыбнулась, заметив, как заворуженно глядит он на залитый солнцем пол.

— Как мы говорим про солнечный свет? — тихо спросила она.

— Придет в дом — не выгонишь колом. Пора придет — сам уйдет, — послушно произнес нараспев он.

Он посмотрел в окно. Ветер шевелил его светлые волосы.

— А как говорим о ветре?

— Без рук, без ног, а дверь отворяет.

Он уже выучил наизусть с десятков таких речений. Женщина знала сотни простеньких, непритязательных загадок, присказок, присловий, поговорок, пословиц — вроде тех, где солнечный свет сравнивался с непрошеным гостем, а ветер — с невидимым пришельцем. Во всех этих бесчисленных изречениях народ с восторгом предавался словесной игре, творя и обогащая свой язык.

Через мгновение она его отпустит. Он просто изнывал, так ему хотелось выбежать за дверь и посмотреть, вдруг медвежонок уже здесь?

Она быстро заглянула ему в рот. У него недавно выпали два молочных зуба, но на их месте выросли новые. Еще один шатался, но пока ни один больше не выпал.

— Полон хлевец белых овец, — блаженно пробормотала она.

А потом отпустила его.